

Лицо Арагорна было омрачено тревогой, когда он снова присел у потрескивающего костра. Взгляд его упал на крохотную фигурку, уютно свернувшуюся под грубым одеялом. За годы скитаний по Средиземью, за годы войн и сражений, он повидал немало жестокости, встречал странные существа в диких землях, но этот ребенок посреди безжизненной пустыни потряс его до глубины души. А раны... Те раны, что он увидел на теле ребенка, кричали о страшных испытаниях. Он уже встречал жертв пыток, лечил их, но то, что он увидел на этом мальчике, было невыносимо. Ребенка пытали, и не просто пытали, а мучили долго и безжалостно. Его тело было покрыто шрамами, старыми и новыми, словно штрихи на полотне страдания. А еще... Как он напрягался при каждом резком движении, как жадно поглощал еду, словно боясь, что она исчезнет. И еще... У него не было имени, или, по крайней мере, имени, которое он помнил. Ребенка схватили, когда он был совсем крохой. Гоблины, орки, или, быть может, разбойники. Родителей убили, а его оставили у своих палачей, возможно, для забавы. Арагорн знал, что гоблины любят издеваться над своими жертвами, прежде чем убить. Потом что-то уничтожило его похитителей, и он сумел сбежать, но остался один в диких землях. Лохмотья, в которые он был одет, и то, как он добывал себе пропитание, говорили о том, что он выжил сам. История складывалась, но некоторые детали оставались загадкой. Как этот ребенок выучил эльфийский язык? Ни один эльф не допустил бы такого обращения с ребенком, а если бы его нашли, то окружили бы заботой. Эльфлинги были так редки, что о них, как о человеческих детях, заботились с трепетом. Вспомнилось собственное детство в Ривенделле... Арагорн был уверен, что этот ребенок не эльфлинг, у него не было заостренных ушей. Значит, он всегда говорил на этом языке? Но было очевидно, что он не из этих мест. Он даже не мог понять, когда Арагорн говорил на обычном языке. Арагорн отбросил эту мысль. Откуда бы он ни был, Арагорн не оставит его здесь. Ни один ребенок не выживет в диких землях, особенно такой раненый. Ребенок отправится с ними в Ривенделл. Среди эльфов он будет в безопасности, там его раны заживут. Он пережил то, что ни один ребенок не должен был пережить. Арагорн нахмурился, вспомнив, как легко ребенок лежал у него на руках. Он мог нести его долго, даже в таком быстром темпе, какой он задал. — Меньше всего я ожидал найти здесь ребенка Большого народа, — проговорил Мерри, прерывая его мысли. — Пока что это мошкара, мошкара, мошкара, отсутствие второго завтрака и много скалолазания, — ворчливо добавил Пиппин. — Старина Бильбо ничего не говорил об этом, когда описывал свои приключения. — Не говоря уже о курганных колдунах и Черных всадниках, — с дрожью в голосе произнес Сэм. — Я и не подозревал, что на свете так много плохих вещей, если вы понимаете, о чем я. Его слова встретили кивки хоббитов. — Но странно, — размышлял Фродо, — видеть ребенка так далеко отсюда, особенно говорящего на эльфийском, да еще так сильно раненного. Раздались возгласы: «Так вот что это было!», и он увидел, как Мерри толкнул Пиппина в бок. — А этот болтал без умолку, когда было ясно, что он не понимает ни слова! Пиппин скорчил ему рожу: — А откуда мне было знать, что он не говорит на общем языке? Может, он живет здесь, в диких землях, такой же егерь, как Страйдер. Разве у них есть дети-рейнджеры? Хоббиты разразились хохотом, а затем разговор перешел на другие темы, касающиеся трубочной травы и Ширы. Но Пиппин, сам того не подозревая, подкинул Арагорну еще одну пищу для размышлений. Возможно ли, что ребенок был ребенком дунаданов? Это объяснило бы, почему он говорил исключительно на эльфийском. Некоторые семьи, тесно связанные с эльфами, обычно не начинали обучать своих детей общему языку, пока те не начинали осваивать меч и лук в двадцать лет. Но он должен был знать, не был ли кто-нибудь из рейнджеров или их семей захвачен и убит за последние пятнадцать лет. Ребенок выглядел не старше пяти лет. Хотя он терял друзей, он не знал, что были потеряны дети или женщины. Он отложил это расследование на потом. У него не было достаточно информации, чтобы найти ответы, и не было смысла ломать голову над имеющимися сведениями, когда они были еще так далеко от Ривенделла, когда Единое Кольцо было в пустыне, а Назгул уже подошел слишком близко. — Я буду нести первую и четвертую вахту, — сказал он им, и услышал, как хоббиты застонали, но тут же поспешили к ранцам и стали доставать свои спальники. — Фродо и Пиппин — вторую, а

Сэм и Мерри — третью. Названные хоббиты кивнули, на их лицах появились гримасы, но все они понимали необходимость этих действий, и вскоре поляна наполнилась глубоким ровным дыханием спящих. Арагорн устроился на бревне, держа меч наготове, и начал первый ночной дозор. Когда Гарри разбудило легкое прикосновение руки к его плечу, на востоке забрезжил рассвет. Он тут же вскочил на ноги, его глаза искали угрозу, а рука потянулась к палочке, которой там уже не было. Сердце немного успокоилось, когда над ним появилось лицо Арагорна. В голове пронеслись события прошедшего дня. Волдеморт был мертв, он был в Средиземье, как эльфийское дитя, и именно Арагорн нашел его и вылечил его раны. Убедившись, что на данный момент он в безопасности, он расслабился, насколько это было в его силах. Не более чем через полчаса лагерь был собран, остатки костра засыпаны землей, и все съели простой завтрак, состоящий из плоского хлеба, яблока и нескольких полосок сушеного мяса. Хоббиты, особенно Пиппин, смотрели на еду с покорностью и некоторым отвращением, но Гарри набросился на еду, радуясь, что ему снова дали поесть, не обращая внимания на вкус и текстуру, не говоря уже о том, что годы, проведенные в Прайвет-Драйв, и год, потраченный на поиски Крестражей, довели его до того, что он был способен съесть практически все. Теперь, спустя почти час, его несли, положив голову на плечо Арагорна, пока хоббиты по очереди предлагали имена. Узнав накануне, что у него нет имени, они с удовольствием придумывали имена, пока топтались в дикой местности, и постепенно Гарри почувствовал, что начинает расслабляться рядом с ними. — Мэддок. — Изенгрин. — Фалько. Гарри покачал головой, и из его горла вырвалось хихиканье: список имен становился все длиннее и возмутительнее, по крайней мере, на его взгляд. Арагорн, невольно хихикнув над некоторыми предложениями хоббитов, заставил Гарри отказаться от них. — Неужто эти имена кажутся тебе смешными? — подумал он, ощущая неловкость. Хоббиты, однако, не сдавались, предлагая имя за именем. С каждым часом их фантазия иссякала, и паузы между предложениями становились все длиннее. — Элион, — прошептал Арагорн, наконец прервав молчание. Из всех предложенных имен это было первое, которое показалось ему подходящим, правильным. Он немного наклонил голову, обдумывая его, прокручивая в умах, словно проверяя на прочность. Имя оказалось крепким, и Арагорн поднял глаза, кивнул, а на его лице заиграла застенчивая улыбка. В этот момент раздался восторженный восклицание хоббита, и за ним последовали неуклюжие аплодисменты. Гарри вздрогнул от неожиданной громкости, но быстро сообразил, что это ничего не значит, и расслабился, прижавшись к плечу Арагорна. Хоббиты, увидев его реакцию, сразу прекратили хлопать и теперь ухмылялись, глядя на него. — Привет, Элион, — медленно произнес Фродо, его эльфийский язык иногда запинаясь, но оставался верным. — Привет, — пробормотал Гарри в ответ, еще глубже зарываясь пальцами в плащ Арагорна. Несмотря на то, что он чувствовал себя все комфортнее в их компании, он все еще был насторожен, и эта настороженность переходила в застенчивость. Фродо, однако, не беспокоился о его нежелании говорить, и легко заполнил тишину, рассказывая ему на ломаном эльфийском о Шире, волшебнике по имени Гэндальф и фейерверках. Иногда кто-нибудь из других хоббитов вставлял что-нибудь, и Фродо старательно переводил. Но Гарри, слушая истории, еще и наблюдал.